

«ПЛЕЯДЫ» П. ДЕ РОНСАРА И «АРЕОПАГ» Ф. СИДНИ

Н. М. Шахназарян

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, Республика Беларусь, bastet575592@gmail.com*

В данной статье анализируется влияние теоретических и художественных идей французского поэта эпохи Возрождения Пьера де Ронсара на творчество основоположника английской ренессансной поэзии Ф. Сидни. Проводятся параллели между манифестами поэтических объединений «Плеяды» («Защита и прославление французского языка» Ж. дю Белле) и «Ареопаг» («Защита поэзии» Ф. Сидни), а также тематикой и образами сонетов Ронсара и Сидни.

Ключевые слова: эпоха Возрождения; ренессансный гуманизм; французская поэзия; «Плеяды»; английская поэзия; «Ареопаг»; поэтика; сонет.

“PLEIADES” BY P. DE RONSARD AND “AREOPAGUS” BY PH. SYDNEY

N. M. Shakhnazaryan

*Belarusian State University,
Nezavisimosti pr., 4, 220030, Republic of Belarus, bastet575592@gmail.com*

This article analyzes the influence of the theoretical and artistic ideas of French Renaissance poet Pierre de Ronsard on the poetry by English Renaissance poet Phillip Sydney. There are revealed common features between manifests of poetic circles *La Pléiade (Defense et illustration de la langue francaise)* and *Areopagus (An Apology for Poetry)*, as well as in "sonnets" topics and images by Ronsard and Sydney.

Key words: Renaissance age; renaissance humanism; French poetry; La Pléiade; English poetry; Areopagus; poetics; sonnet.

Итак, ни Римлянин, ни Грек, ни Иудей,
Вкусив Поэзии, не завладели ей
Вполне и всей. Она сияет благосклонно
С небес Германии, Тосканы, Альбиона
И нашей Франции.

Ронсар. «Элегия Жаку Гревену» (пер. О. Седаковой)

Деятельность поэтов «Плеяды» (*La Pléiade*, 1549) была направлена прежде всего на развитие французской поэзии в русле освоения античных и итальянских образцов эпохи Возрождения. Становление литературного французского языка было тесно связано с идеалами ренессансного гуманизма и гражданским пафосом прославления Отечества благодаря возвышению роли поэзии в развитии возвышенных мыслей, чувств и побуждении к благородным деяниям. В кружок «Плеяды» вместе с Ронсаром (*Pierre de Ronsard*, 1524–1581) входили его друзья из коллежа Кокре. Прежде всего, это Жоашен Дю Белле (*Joachim Du Bellay*, 1522–1560) – автор манифеста французской ренессансной поэзии «Защита и прославление французского языка», Жак Пелетье дю Манс (*Jacques Pelletier du Mans*, 1517–1582), Жан де Лаперюз (*Jean de La Péruse*, 1529–1554), Жан Антуан де Баиф (*Jean-Antoine de Baïf*, 1532–1589), Понтюс де Тиар (*Pontus de Tyard*, 1521–1605) и Этьен Жодель (*Étienne Jodelle*, 1532–73) (его место занял Гильом Дезотель (*Guillaume Des Autels*, 29–81)).

Однако творчество поэтов «Плеяды» оказало существенное влияние и на развитие европейской поэзии в целом, в том числе на английскую поэзию, в которую идеи европейского гуманизма и образцы жанров ренессансной литературы приходят позже благодаря объединению «Ареопаг» (*Areopagus*, 1579). Кружок объединил в себе самых блистательных поэтов «елизаветинского века» – Филиппа Сидни (*Phillip Sydney*, 1554–1586), Эдмунда Спенсера (*Edmund Spenser*, 1552–1599), Габриэля Харви (*Gabriel Harvey*, 1552/3–1631), Эдварда Дайера (*Edward Dyer*, 1543–1607), Фулка Гревилла (*Fulk Greville*, 1554–1628).

В 1572 Сидни побывал в Европе, жил в Германии, Италии и в 1575 вернулся в Англию. Будучи протестантом, потрясенным расправой католиков над гугенотами во время Варфоломеевской ночи во Франции (24 августа 1584 г.), Сидни просил у королевы Елизаветы 1 разрешения принять участие в военных действиях в Нидерландах, но получил отказ. В ожидании благоволения королевы он гостил в 1581–1583 у сестры Мэри Пемброук (*Mary Herbert, Countess of Pembroke*, 1561–1621), занимаясь литературой. В 1585, получив разрешение королевы, он отправляется в Нидерланды, где получает смертельную рану. Сидни был похоронен в соборе Св. Павла и стал в представлении современников образцом героической личности эпохи Возрождения.

Как и Ронсар, Сидни подчеркивает, что поэтом стал поневоле: «в нестарые и самые свои беззаботные годы внезапно оказался в звании поэта, и теперь мне приходится защищать занятие, которого я для себя не желал...» [1, с. 328]. Если Ронсару стать государственным деятелем на военном или политическом поприще помешала внезапная болезнь – глухота,

появившаяся в подростковом возрасте, и он сознательно выбрал путь выдающихся свершений в области поэзии, посвятив неустанному труду почти 20 лет своей жизни, то Сидни, напротив, занялся поэзией на досуге в ожидании разрешения королевы на участие в боевом сражении. В течение двух лет он создал сонетный цикл «Астрофил и Стелла» (*Astrophel and Stella*, 1582; 1591), первую ренессансную поэтику «Защита поэзии» (*An Apology for Poetry*, 1579–83; 1595), пасторальный роман «Аркадия» (*Arcadia*, 1590), дав толчок, стимул и обоснование высокому предназначению английской поэзии по всем направлениям (сонетная лирика, проза, теоретический манифест), кроме драматургии.

В «Защите поэзии» – «первой историко-нормативной поэтике на английском языке» – Филипп Сидни, обосновывая превосходство поэзии над философией, отмечает большую эффективность поэтического способа открытия истины на пути «к высшей цели земного познания – нравственному совершенствованию». Сравнивая поэтический образ и умозрительное философское понятие, Сидни подчеркивает преимущество художественного вымысла, который связывает вечный нравственный идеал с конкретным примером и побуждает к благородному деянию: «Поэт приходит к вам не с туманными определениями, ...но с расположенными в чарующей пропорции словами, настроенными на волшебное искусство музыки» [1, с. 234]. В области вымысла поэт отличает «eikastike» ('изображающая только хорошее') от «phantastike» ('насыщающая воображение предметами недостойными').

Идеи данной поэтики подсказаны манифестом Ж. дю Белле «Защита и прославление французского языка» (*Defense et illustration de la langue francaise*, 1549). В манифесте особое значение придавалось задаче создания совершенного родного языка, сопоставимого по выразительности с античными языками и с итальянским, чья слава была освящена именами Данте, Петрарки и Боккаччо. «Язык не дается совершенным, а становится таковым благодаря усилиям поэтов (сравнение с уходом за деревом: отсекаль ненужное, прививая лучшее)», – замечает дю Белле [2, с. 245]. О возвышении языка народов благодаря поэзии пишет и Сидни: «Поэты Данте, Боккаччо и Петрарка первыми возвысили итальянский язык, превратив его в сокровищницу науки» [1, с. 236]. В сопоставлении с другими европейскими языками английский язык, по мнению Сидни, обладает преимуществами для использования любых рифм, строф и ритмических рисунков, будучи не скованным падежными окончаниями, элизиями, фиксированным ударением [3]. Подобно Ронсару, он предлагает создавать двойные эпитеты («This was a most conspicuous gift to Elizabethan poetry») [4, с. 31].

Яркие примеры влияния Ронсара на язык, образный строй и тематику поэзии Сидни можно увидеть в сонетах. Поэта волнует соотношение живого искреннего чувства, рожденного личным опытом любви к героине, и книжной мудрости, ученого языка, неприемлемого для механического копирования. Ронсар сравнивает свои попытки рассказать о любви на языке античных мифов и образцов классической поэзии с исповедью сердечных мук и радостей собственного сердца. В стихотворении «Венера как-то по весне...», рассказывая об Амуре, посланном Венерой к поэту на учёбу, Ронсар осознает свое бессилие перед сыном богини Любви и в финале уже себя называет учеником юного Купидона:

*Я ... позабыл мою камену,
Но я запомнил тот урок
И песню ту, что юный бог
Вложил мне в сердце, им в замену [5].*

Тот же вопрос волнует Сидни, начиная с первого сонета «Астрофила и Стеллы»: «Над Выдумкою бич учения навис, / Постылы были мне сплетенья чуждых строк, /.../ «Глупец! – был Музы глас. – Глянь в сердце и пиши» (перевод В. Рогова). Развитие данной темы продолжается в 15-м сонете:

*Ведешь ты строй грохочущих созвучий
И мертвого Петрарки стон певучий
Мешаешь с треском выпретенных речей.*

*Ступив на этот путь, свершаешь промах,
Раскаешься в украденных приемах,
В них чувства нет, в них нет живой души.
Но если ты творишь не для забавы,
Но если хочешь стать питомцем Славы,
Взгляни на Стеллу, а потом пиши (пер. А. Ревича) [1].*

Именно под влиянием Ронсара, впервые отказавшегося от стандартного портрета героини сонета, Сидни до Шекспира создает образ героини с темным цветом волос и черными глазами в противоположность золото-волосой красавице с голубыми глазами. В сонете, посвященном Кассандре, Ронсар вступает в острую борьбу с литературным клише («Я карих глаз живым огнём пылаю, / Я враг смертельный золотых кудрей» (пер. В. Левики) [5]. Образ Стеллы в 7-м сонете Сидни построен на контрасте сияния света души и темных глаз героини: «Когда Природа очи создала / Прекрасной Стеллы в блеске вдохновенья, / Зачем она им черный цвет дала? / Быть может, свет подчеркивая тенью?» (пер. И. Озеровой) [1].

Тема возвышения значения любви по отношению к великим историческим событиям в сонетах Ронсара также оказала очевидное влияние на

Сидни. Данная тема ярко отражена в сонете Ронсара «В твоих объятьях даже смерть желанна»: «И я клянусь: иль разум мой погас, / Иль этот жребий стоит даже вас, / Мощь Цезаря и слава Александра!» (пер. В. Левики) [5]. Сидни пишет об этом в 30-м сонете, перечисляя судьбоносные события истории на карте Европы: противостояние мусульманской Турции и христианской Европы, Смутное время польского нашествия на Москву, династическая борьба за королевский трон Валуа, Гизов и Бурбонов во Франции, борьба протестантской Голландии с католической Испанией. Однако ни одно из этих событий не способно по значимости затмить мысли поэта о любви к Стелле:

*Грозят ли полумесяца рога
Уделам Христианского закона?
Огнем жестоким Польская корона
Растопит ли Московские снега?*

*Помирятся ль Французских три врага?
Крепка ли сила Цесарского трона?
Воспрянет ли Оранской славы крона,
Спасет ли Нидерландов берега?*

*Возьмем ли Ольстер на приманку злата,
Как взял его когда-то твой отец?
Шотландским смутам будет ли конец?
На каждый сей вопрос витиевато,*

*С учтивою улыбкой всякий раз
Ответствую, но думаю о Вас* (перевод А. Ревича) [4].

Интересна параллель в создании образа реки Луары во Франции и Темзы в Лондоне как зеркала любви. Ронсар видит в реке отражение горьких переживаний из-за неразделенной любви: «Хотел ты перестать отныне быть Луаром, / Чтоб зваться впредь рекой, где утонул Ронсар» (сонет «К реке Луар») [5]. В 103-м сонете Сидни пишет: «Благословенна Темза, в чьих струях / В тот вечер образ Стеллы отразился!» (пер. Г. Кружкова) [4].

Метафора зеркала и театра, получившая популярность в мировой литературе благодаря Шекспиру («надо держать зеркало перед лицом природы» – слова Гамлета в разговоре с актерами перед сценой «мышеловки»), также обязана Ронсару («Я – словно зеркало, где видно отраженье / Того, что перед ним с любым произойдет» – сонет из цикла «К Елене») [5]. Сидни повторил данную мысль в 105-м сонете: «Клянусь, я был невинней мудреца, / Когда в невероятном ослепленье / Все зеркала заставил в исступленье / Служить свеченью одного лица» (пер. и. Озеровой) [1].

И наконец, метафора мира как театра, на сцене которого все люди получают единственные роли, predetermined Фортунной, впервые была развернута в стихах Ронсара: «Весь мир – театр, мы все – актеры поневоле, / Всесильная Судьба распределяет роли, / И небеса следят за нашею игрой!» (стихотворение «На окончание комедии» в пер. М. Бородинской) [5]. В пьесе «Как Вам это понравится» (*As you like it*, 1597) Шекспир вложил слова о мире как театре в уста меланхоличного философа Жака: «All the world's a stage, And all the men and women merely players».

В заключение следует отметить необходимость возрождения интереса к наследию Ронсара как в научных, так и в широких читательских кругах в связи с мировым значением открытий французского поэта, чье 500-летие со дня рождения отмечалось в 2024 году.

Библиографические ссылки

1. Сидни Ф. Астрофил и Стелла. Защита поэзии. М. : Наука. 1982.
2. Дю Белле Ж. Защита и прославление французского языка. Перевод А. Михайлова и М. Толмачева // Эстетика Возрождения. М. : Искусство, 1981. Т.2. С. 236–269.
3. Егорова Л. В. «Арепопаг». Метрические эксперименты [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/areopag-metricheskie-eksperimenty/viewer> (дата обращения: 10.05.2025).
4. Frances Marten A. B. The Influence of the Pleiade on the Areopagus. Oxford: University of Illinois, 1918 [Electronic resource]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/29155048.pdf> (date of access: 20.05.2025).
5. Ронсар П. Избранная поэзия: Пер. с фр. / Вступ. статья Ю. Виппера; Комментар. И. Карабутенко. М. : Худож. лит., 1985. [Электронный ресурс]. URL: http://www.belousenko.com/books/poetry/ronsar_1985.pdf (дата обращения: 30.04.2025).